

Каминский и

1/1 88

Он сыграл одну только фразу за весь двухчасовой наш разговор. Получилось смешно. И ничего не оставалось, как рассмеяться. Удивительно театальный человек сидел рядом. Можно иначе: актер Государственного драматического русского академического театра имени Горького Михаил Каминский.

Уже потом, после нашей первой встречи, я попыталась вспомнить, с чего для меня начинался Каминский, с какой роли, какого события.

Полутемный зал тюза. Не помню ни названия спектакля, ни сюжета, в памяти остались лишь сцена митинга в послереволюционном Петрограде и появление на нем одного из анархистов. Это была такая колоритная, убедительная и обаятельная фигура, что хотелось сейчас же, немедленно уйти в анархисты. Агитатор-анархист (а это был Каминский) держал в напряжении зал и постоянно «срывал» аплодисменты какой-нибудь удачной шуткой или убедительным жестом без слов. Зрители стонали от смеха и симпатий к герою.

А потом был еще один эпизод, но уже в фильме Э. Ишмухамедова «Прощай, зеленъ лета». Каминский — глава семьи. Легкость и изящество, ирония и симпатия к своему герою. И ностальгия по ташкентцам и Ташкенту 50-х годов — все это так явно прочиты-

валось в игре актера. И, наконец, настоящее потрясение от игры и совершенно изменившегося внешнего облика, смены амплуа в спектакле театра им. Горького «Кто боится Вирджинии Вульф?»

А еще в «Ильхоме» «Мещанская свадьба» и «Сцены у фонтана». И очень неоднозначная работа в спек-

такле «Дом, который построил Свифт». И множество других в тюзе, театре им. Горького. Трудно рассказать обо всех больших и эпизодических, хороших и неудавшихся ролях. Да и нужно ли? Может быть, начнем с начала? Тем более, что оно многое объясняет в жизни Каминского. Лет 25 назад у школьни-

ка Миши Каминского что называется «прорезался» голос. Мама решила развивать способности и отвела сына во Дворец пионеров. Все кружки, которые были в нем, мальчик посетил: поочередно появлялся интерес

ДОМ, ПОЧТИ ЗАКОНЧЕННЫЙ

к различным жанрам искусства. А через дорогу от Дворца стояло скромное здание кинотеатра «Молодая гвардия», куда периодически сбегали с занятиями пионеры. Миша не был исключением, а со временем перешел все границы. То есть он просто стал там работать. Нет, настоящей работой, конечно, назвать это было нельзя. Но первыми публичными выступлениями, пожалуй.

Сцена кинотеатра... Фойе заполняется медленно прогуливающейся публикой. На сцене баянист и мальчик в матросском костюмчике. Что он тогда пел? Сейчас уже трудно вспомнить. Так начиналось... Да, пожалуй, можно сказать — жизнь на сцене.

И вдруг пришло увлечение. Настоящее. Всерьез. Там же, во Дворце — знаменитая тогда студия Лолы Карловны Фиалы, с этюдами, жестким отбором желающих заниматься, «серьезными» спектаклями. Ах! Лучшее театра отныне не было ничего.

шли Саша Кузин и Гена Пачис (ныне режиссер и актер театра им. Горького). И он, уже почти «мэтр», смотрел на них чуть свысока, и даже пытался нахально давать советы.

Студия арендовала помещение театра им. Горького, и ребята играли на публике «Город без любви» и «Любовь к трем апельсинам». Казалось, что они все знают про театр и про свою жизнь в нем. Встречались, правда, иногда непонятные вещи, требующие немедленного обсуждения. И тогда без промедления шли в пельменную, что была напротив, обсудить. Сколько пельменей было съедено за бурными дебатами... У них была своя жизнь. Богема... Ну, или что-то близкое к ней. Очень уж им хотелось, чтоб было так.

Начались выпускные экзамены. Естественно, что вопрос о выборе профессии перед ребятами не стоял. Почти половина студии Л. Фиалы пришла в театральный. И почти все поступили. Все, кроме Каминского. Он поступал на курс

и Надежде Павловне Никифоровой. Шла консультация, Михаил читал. В это время вошел И. В. Радун, тогда преподаватель института, послушал абитуриента и решительно вмешался: «Дефект речи... Нельзя... Тем более актер...». Это был приговор.

Михаил его мужественно выслушал и отправился в тюз. Жизнь без театра не имела смысла. Он стал монтировщиком. Тогда было не важно кем. Лишь бы в театре. (Справедливости ради нужно сказать, что в институт он все-таки поступил, много позже, правда, и благополучно его окончил). А потом случилось событие, из ряда вон выходящее. Почти как в старом, добром водевиле. В театре заболел актер, что выяснилось непосредственно перед представлением. Каминский подошел к режиссеру и признался, что знает роль. Альтернативы у того не было.

Везло ли ему на режиссеров? Безусловно. Во всяком случае однажды, когда

Комсомолец Узбекистана
г. Ташкент

1-1 ЯНВ 1988

Каминский

КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ... ПОРТРЕТ

на горизонте появился Марк Вайль с идеей создания экспериментальной студии творческой молодежи «Ильхом». Это был его режиссер, а позже и его театр, его дом, который он строил сам. А разве нужно объяснять, как любят то, что делают своими руками? Он знает в этом доме каждый кирпич, каждый гвоздь, и дышит ему здесь привольно. А знаете, это очень важно, легко дышать, занимаясь делом.

Понимаете, не каждому это дано — строить свой дом. Может быть, в нем крыша течет, полы облезлые, но это мой дом. Я его знаю, мне все здесь родное. Академический театр — тоже дом, верно. Но там свои законы, по которым жили и живут уже многие годы. Он, этот дом, похож на большую коммунальную квартиру. Понятно, я говорю?

— Вы возражаете режиссеру в процессе работы?

— Почти всегда.

— И Вайлю тоже?

— Я ему верю. Мне близок тот театр, который он исповедует. Кстати, именно тогда и возникает живой театр, когда группа профессионалов верит своему режиссеру — лидеру и идет

за ним.

— Театр единомышленников?

— Какие, к черту, единомышленники. В уже сложившемся театральном органнзме, я имею в виду государственного театра, где существуют устоявшиеся гондами привычки, вкусы, взгляды, важен только один критерий — высокий профессионализм. Он все и должен определять. Единомышленники же возможны только при создании совершенно нового театрального дела, когда все создается с нуля.

Что сейчас происходит с «Ильхомом»? Нормальный, закономерный процесс. В него пришло новое поколение, для которого театральный «язык», на котором привыкли говорить мы, не всегда понятен и близок. Думаю, что «Ильхом» сможет сегодня решить многие проблемы, перейдя в иное качество.

— Вы имеете в виду профессиональный театр-студию?

— Да.

— Говорят, что за свою жизнь человек может совершить несколько поступков. Вы можете припомнить хоть один?

В те времена это было поступком, нашим гражданским шагом, если хотите... — Еще можете припомнить?

— Пожалуй, этот — единственный.

В жизни каждого бывают минуты душевного беспокойства, внутреннего раздражения. У любого творческого человека это связано еще и с неудовлетворенностью собой, желанием изменить что-то в творчестве. Именно такой, нелегкий период переживает сейчас Каминский. Его не обременяет постоянная загруженность, он может играть 24 часа в сутки. Изматывают театральные неурядицы.

Театральный организм — сложное явление. Всего в нем хватает: самолюбия, обид, желаний творить и желаний выделиться. И, наверное, трудно представить себе десятки творческих личностей, собранных вместе, без всего этого. Время от времени вспыхивают конфликты, возникают сложности. Уйти от них, остаться в стороне почти невозможно. Не получается это и у Михаила.

— Слишком много компромиссов. Слишком много. Думаешь, что делаешь так, во имя того-то и того. А потом понимаешь, нельзя бы- ло. Ни в коем случае нельзя. Но делаешь. Увы...

Четвертый год он — актер академического театра драмы. Много было за эти годы. Роли, которые дано сыграть не каждому, неудачи, столкновения, минуты отчаяния и... зрители, любящие, благодарные, внимательные, как всегда.

Вообще со зрителями у него отношения особые. В тюз, где можно было перестать заниматься творчеством, исхалтуриться, тем более, что театру хронически не везло на режиссеров, он сумел сохранить себя, «наработать» то, что называется ремеслом. Правда, уже тогда у Каминского был час в сутки. Изматывают театральные неурядицы.

Дети и взрослые нежно любили актера. В любом спектакле при его появлении зал оживал. Он купался в зрительской любви и был счастлив. У него были Линдгрен, Ростан, Шатров. И были часы его актерского счастья. В одном из спектаклей тюза он играл Обжорушку. Появлялся Михаил на сцене едва прикрытый каким-то балахоном, босиком, полностью соответствуя имени своего героя. Дети были в восторге. Они узнавали его на улицах и шелестел вслед восторженный шепоток: «Об-

жорушка-а-а-а».

Но однажды актер резко изменил внешность — похудел. А следовательно сменил и амплуа, привычный сценический образ. И вот уже вместо характерного актера Каминского, одно появление которого вызывало смех в зале, Тригорин, Свифт, Джордж. Согласитесь, не каждому это дано. Да и мужество требуется немалое для того, чтобы разбить вдребезги устоявшийся сценический образ.

Многие поклонники его творчества были разочарованы. Как же так? Этаким толстый, добродушный, смешной Карлсон. Как же так? Его любили именно таким. И вдруг спортивного вида мужчина, благополучный преподаватель в колледже Джордж в «Вирджинии...», стройный Свифт в пьесе Г. Горина. Это был удар по привычному образу. И многие не захотели с этим смириться.

— Чем было вызвано ваше похуждение?

— «Вирджинией». Марк обещал роль, но поставил усложнение, устоявшегося амплуа.

— Не боялись, что публичка может не простить исчезновения устоявшегося амплуа?

— Сколько вам лет? — Много, очень много для моей профессии. — И все же? — Тридцать четыре.

Если ко всему сказанному добавить, что Каминский — чрезвычайно работоспособный человек, ему интересно все, что касается профессии, он спешит успеть сыграть несыгранное, то, наверное, отчасти завершу его портрет. Меня могут упрекнуть в том, что я почти не рассказывала о ролях актера. Признаюсь, что сделала это намеренно. Невозможно рассказать о том, как играет Каминский, потому что любой рассказ проиграет в сравнении с увиденным. Так же, как невозможно передать его манеру разговаривать, ироничную к себе и себе-седнику, щутить тонко и ненавязчиво. И особенно трудно передать наш стихийно возникший разговор о порядочности, в котором Каминский вновь и вновь вспоминал компромиссы, на которые шел.

А раз шел, считает он, значит о порядочности лучше не говорить. Потому что качество это предполагает абсолютную чистоту души без самых незначительных компромиссов. Да и не бывает их, маленьких и больших. Компромисс — и этим все сказано.

У каждого ли из нас хватит мужества сказать о себе вот так, не приукрашивая? Ведь так хочется в глазах окружающих выглядеть лучше. Хотя чуть-чуть...

— А потом вы похудели и стали злым? — А потом я похудел и стал злым.

Галина ФОМАИДИ